

С.В. Плоских

Памятники письменности Кыргызстана в рукописном фонде Национальной академии наук

В основу статьи положены письменные и фольклорные источники, собранные в 1920–1970-е годы среди населения Кыргызстана. Рукописи и старопечатные издания на кыргызском, арабском, фарси и тюрки, начиная с эпоса «Манас» и заканчивая отдельными документами, были проаннотированы участниками российско-кыргызской палеографической экспедиции 1973–1978 гг. Их содержанию как важного исторического источника по истории и культуре кыргызского народа XV–XIX вв. посвящена статья.

Ключевые слова: «Манас», В.А. Ромодин, Е.Д. Поливанов, Абдурахман Джамии, диван, кыргыз, фарси, тюрки.

С 1973 г. Академия наук Кыргызстана проводит полевые археографические работы по сбору старинных книг и рукописей. В составе комплексной Кыргызской археолого-этнографической экспедиции, организованной Институтом истории Академии наук КР (под руководством В.М. Плоских), была образована специальная палеоархеологическая группа, задачей которой стал сбор исторических документов, рукописей и ценных старопечатных книг во всех областях Кыргызстана (По следам памятников, 1982, с. 136).

Долгое время в Кыргызстане, население которого считалось на 98% неграмотным, бытовало нигилистическое отношение к полевой археографии. В фондах редкой книги библиотек и научных хранилищ республики имелись единицы старопечатных книг на арабской графике. Правда, историкам, археологам, этнографам приходилось слышать о кыргызских и узбекских молдо и муллах — владельцах книг и рукописей. Республиканская библиотека им. Н.Г. Чернышевского в начале 1970-х годов случайно приобрела интереснейшую рукопись от одного аксакала в Центральном Тянь-Шане. Это была копия трех известных арабских трактатов по логике, созданных в XII–XIV вв. Экспертное заключение по ним дал тогда еще молодой арабист (ныне академик РАН) М.Б. Пиотровский.

Институт языка и литературы также случайно приобрел на юге Кыргызстана копию таджикской рукописи XVI в. «Маджму ат-таварих» («Собрание историй») Муллы Сайфадина (переписчик — Назармат). В ней содержались первые записанные на фарси сюжеты кыргызского героического эпоса «Манас». Ныне копия рукописи в 123 стр. хранится в фондах Национальной академии наук Кыргызской Республики (Рукоп. фонды, № 167-а).

Два списка этого сочинения, фактически идентичные, были выявлены — один в Ленинградском отделении Института народов Азии АН СССР (под шифром 667), другой (под № 963) в восточном отделе библиотеки ЛГУ. Фотографическую репродукцию отрывков рукописного текста с введением и указателем опубликовал в 1960 г.

в ЛГУ А.Т. Тагирджанов (список 963), перевод, введение и комментарии сводного текста сделал в 1963 г. В.А. Ромодин (в основу которого был взят список 667).

В сочинении изложено легендарное жизнеописание наманганских и касанских шейхов, оно не содержит достоверных исторических сведений, но имеет бесспорное источниковедческое значение для изучения истории таджикского языка и кыргызского эпоса «Манас». Автор стремился рассказать о жизни шейхов на понятном для народа разговорном таджикском языке в форме эпических сказаний. Сочинение представляет первую письменную версию эпоса «Манас» и содержит интересные топонимические данные, а также этнографические сведения о кыргызских и казахских племенах.

По сообщению А.Т. Тагирджанова («Собрание историй», с. 4), сочинение было написано двумя авторами. Автором основной части, содержащей версию эпоса «Манас», был мулла Сайф ад-Дин Ибн дамулла Шах Аббас Ахсиканти. В предисловии к сочинению он пишет, что по просьбе друзей и с разрешения своего духовного наставника Мавлана Азам Сайид Мир Джалила он записал историю имамов начиная от Джафар Садика (83–148/702–765) до времени Сайид Мир Джалила. Вторая часть сочинения была написана его сыном, Нур Мухаммадом Ибн Мулла Сайф ад-Дином Ахсиканти, она содержит жизнеописания Ходжи Ахрара (ум. 896/1491), его преемника шейха Мухаммад Кази Ибн Бурхан ад-Дина, а также биографию ученика Мухаммада Кази, известного касанского шейха Ахмада Ходжаги Ибн Джалал ад-Дина. Последний был духовным наставником знаменитого поэта и полководца Захир ад-Дина Бабура, которому он посвятил суфийский трактат. Сочинение было закончено в X в. х. / XVI в. (Записки, 1900, с. VI). Это не вызывало сомнений ни у В.В. Бартольда, ни у первого публикатора А.Т. Тагирджанова, ни у первого переводчика рукописи на русский язык В.А. Ромодина.

Автор главной части сочинения мулла Сайф ад-Дин, следуя эпическим сказаниям, произвольно связал исторические события разных эпох. В своем повествовании он приблизил давно прошедшие события к периоду жизни своего наставника, а не перенес жизнь и деятельность его в далекое прошлое в отрыве от современных ему событий. Автор, хорошо знавший популярные в народе легенды, пользовался и историческими источниками. Он умело объединил устные предания с историческими сведениями и создал своеобразное эпическое сказание, сделав его главными героями ширкентских шейхов. Вторая часть сочинения представляет жизнеописания суфийских шейхов. В ней приводятся генеалогия шейхов, рассказы об их духовных подвигах и деяниях. Наряду с этим вторая часть содержит вполне реалистические рассказы об интригах и вражде между этими шейхами.

Сочинение написано на разговорном таджикском языке первой половины XVI в., но в него включены отрывки, написанные вычурным стилем, а также целые страницы арабского литературного текста. Это дает основание полагать, что разговорный язык был использован авторами сознательно, очевидно, в целях распространения сочинения среди возможно большей аудитории или по крайней мере среди мюридов из простого народа.

Особенно ценны для изучения истории Кыргызстана и народного эпоса эпизоды, связанные с именем Манаса. Приведем два сюжета в рукописном переводе известного ленинградского востоковеда, уроженца Кыргызстана В.А. Ромодина, которые хранятся в рукописном фонде НАН КР.

1. «Манасу двенадцать лет было. Взяв сорок каркаринских молодцев, пустился он в путь. Подойдя к Кара-Кишлаку, у горы спрятался. Ночью двух калмаков захватил, о положении Джолоя под пыткой расспросил, о положении сказали. Убил Манас двух

калмаков, пустился вслед за Якуб-беком; четыре дня ехал, сына Джолоя настиг, сражаться стал. Калмаков тысячу человек было; Манас с сорока каркаринскими молодцами, настигнув их, сражаться стал. Калмаки побежали, сын Джолоев бежал и тем спасся.

Отбил Манас Якуб-бека и в обратный путь пустился, до тех пор ехал, пока не прибыл в Талас. Оттуда иль свой на перекочевку направил, к Джадгалу двинулся. Верховья Джадгала достиг, заночевал» (Извлечение, с. 41).

2. «Одно слово другое о Манасе и Фуладе послушайте.

Оставив Тимур-ходжу в крепости, Манас с войском (*лашкар*) Манасии на Фулада двинулся, до тех пор шел, пока оба войска друг с другом столкнулись. Со стороны Фулада Йамгурчи выступил, преградил путь Манасу. Со стороны Манаса Карнас выступил. Оба они друг друга атаковали. Несколькими ударами копий на ходу обменялись; наконец, до боя на саблях дело пошло, но также результата не достигли. Тогда учинили друг с другом схватку. До времени Намаз сильно бились, наконец, разошлись.

Манас вернулся обратно, вступил в город, полночи там провел, а затем взял сорок молодцев, из ворот выехал, ночной набег на войско Фулада сделал. Сколько-то врагов убил, снова к воротам вернулся. Темной была ночь. После того как наступило утро, увидели: в лашкаре Фулада многие воины друг друга поубивали.

Разгневался Фулад, погнался войско на Манасию. Такой ожесточенный бой учинили, что с тысячу людей богу души отдали. С другой стороны выступил Йамгурчи, запалил огнем ворота, в крепость проник. Узнал об этом Тимур-ходжа, встретился с Йамгурчи один на один, сабельный удар нанес. Йамгурчи ранен был, из ворот выйдя, к Фуладу явился. Перевязал ему раны Фулад и отступил, на своем месте остановился. Манас-богатырь к Тимур-ходже явился, ворота вновь укрепили» (Извлечение, с. 48–49).

Заканчивая переводы историко-этнографического материала из «Маджму аттаварих», В.А. Ромодин приводит список географических названий и маршрутов, упоминаемых в разделах и главах сочинения, следующих за рассказом о смерти Джолоя от руки Манаса. Этот уникальный источник в переводе В.А. Ромодина еще не опубликован на русском языке, хотя известен специалистам-манасоведам.

Сам эпос «Манас» неоднократно издавался на русском, кыргызском и даже немецком и английском языках. Но до сих пор еще остается много неясных моментов в его изучении, в частности роль и вклад в манасоведение замечательного русского лингвиста-востоковеда Е.Д. Поливанова. Отдельные сюжеты кыргызского эпоса «Манас» (в частности «Великий поход») были прекрасно пересказаны в подстрочном переводе с кыргызского языка в середине 1930-х годов вскоре репрессированным Е.Д. Поливановым. Они были отложены в рукописные фонды НАН КР, оказались забыты наукой и лишь частично опубликованы нами в 2001 г. (Плоских, 2007, с. 46–55).

Малоизвестными остаются и другие рукописи, в свое время выявленные как Кыргызской палеоархеологической экспедицией, так и случайными открытиями археологов. Так, в 1949 г. археологом Д.Ф. Винником, работавшим в составе Тянь-Шаньской экспедиции А.Н. Бернштама, в долине Алабакан на кладбище Узгуруш в мавзолее Генотая был обнаружен «архив» восточных книг и рукописей, среди которых оказались сочинения Физули. В 1960-х годах подобный книжный клад был найден Е.З. Зауровой в одной из Ляйлякских пещер. Гляциологом Р.Д. Забировым несколько книг было вывезено из тайника, неожиданно открывшегося в обвалившемся утесе на Иссык-Куле. Имеются также упоминания о других подобных находках, но по-

сколькx специально сбором старых книг, рукописей, документов никто не занимался (да и считались они «крамольными»), их впоследствии забыли, а сведений об их местонахождении не сохранилось.

Для работы в археографической экспедиции 1976 г. был приглашен старший научный сотрудник ЛО ИВ АН СССР арабист А.Б. Халидов. В экспедиции принимали участие знатоки фарси, тюрки и арабского В.Н. Настич и В.К. Шуховцов, а также научные сотрудники Института истории Академии наук Киргизской ССР Д. Нурматов, А. Ормушев, В. Абылгазиев, А. Мокеев. В разные годы в экспедиции побывали тюркологи С.Г. Кляшторный и Л.Ю. Тугушева, согдолог и иранист В.А. Лившиц, археолог Я.А. Шер, член-корреспондент Туркменской АН С.Г. Агаджанов. Постоянным участником экспедиции был кыргызский лингвист Четин Джумагулов, автор нескольких книг по эпиграфическим памятникам Кыргызстана. Собирали не только рукописи, но и тексты наскальных надписей, в частности, в Таласских ущельях Терек-Сая и Кулан-Сая. Краткий научный отчет о находках тюрко-согдийской эпиграфики Терек-Сая и Кулан-Сая В.А. Лившиц опубликовал в 2005 г. (Лившиц, 2005, с. 49–57).

В Архиве АН Кыргызстана хранятся полные отчеты об этих работах, а также аннотированный каталог выявленных рукописей. За десять лет (1976–1986) полевых экспедиций АН Кыргызстана были обследованы многие районы Ферганы, Центрального Тянь-Шаня и Прииссыккуля. Участники экспедиций встречались и беседовали с десятками кыргызских аксакалов, молдо, мулл, получивших традиционное мусульманское образование и владеющих старыми книгами и рукописными материалами, либо с их наследниками. Были обследованы пещеры в Ат-Башинском и Ляйлякском районах, в которых, по словам местных жителей, некогда хранились старые книги. В результате этих поисков были собраны отдельные листы и документы в Ляйлякской пещере в Фергане, вывезен ящик книг и документов из Ат-Башинской пещеры в Центральном Тянь-Шане, не один десяток книг собран в Кочкорском мазаре. Был зарегистрирован ряд редких книг и рукописей в мазарах Ак-Талинского района и частных собраниях.

В результате было собрано около 700 старопечатных и литографических изданий, 300 рукописей и десятки документов на тюркском, фарси и арабском языках. Многочисленную коллекцию составили вакуфные документы кокандского времени на арабском, таджикском и тюркском языках. Большинство выявленных материалов относились к XIX или к началу XX в., некоторые рукописи датированы XVIII в., причем среди них имеются копии сочинений XII–XVI вв. Был составлен их каталог (пока не опубликован), а сами рукописи отправлены на хранение в фондах Национальной Академии наук Кыргызстана.

По месту происхождения документы и рукописи связаны со среднеазиатским регионом в целом, некоторые переписаны кыргызскими молдо, хотя судить об этом зачастую приходится по совокупности внешних признаков. Насколько специфичен «кыргызский набор» сочинений из общего арабско-тюркско-персидско-мусульманского (или просто среднеазиатского) фонда, покажет тщательный научный анализ собранных материалов в будущем.

По содержанию книги и рукописные материалы отражают формы, в которых были распространены в Кыргызстане исламская образованность и литература. Книги и рукописи как светского содержания, так и духовного представляют собой изложение положений ислама в специфическом суфийском варианте, распространенном в Средней Азии. Среди интересных находок — наборные, литографические, рукописные книги стихов Бедиля и Хафиза, Омара Хайяма, Джами и Алишера Навои.

Самой уникальной в коллекции является рукопись, приобретенная в Баткенском районе. Это самая ранняя из известных копий грамматики Абдуррахмана Джами, последнего произведения великого средневекового таджикско-персидского поэта и философа-суфия (1414–1492). Первая страница рукописи украшена великолепным унваном, в котором четкие строки арабской вязи оживляются многочисленными кинноварными вставками. Прекрасный, явно старый, почерк и лощенная, добротная, ручной выделки бумага говорят о почтенном возрасте манускрипта.

Ниже мы приводим описание рукописи из полевого археографического отчета В.Н. Настича (По следам памятников, 1982, с. 141–147).

«Фаваид вафийа би-халли мушкилат ал-Кафийа» («Полезные сведения, достаточные для разрешения трудностей ал-Кафии») — сочинение по арабской грамматике, написанное одним из известнейших поэтов и ученых XV в. Абдуррахманом Джами. Задуманное как комментарий к грамматическому компендиуму «ал-Кафийа фи-ннахв» Ибн ал-Хаджиба (1175–1249), сочинение Джами, в сущности представляет собой самостоятельный трактат, в котором разъясняются основные положения и трудности арабского языка. Автор посвятил свой труд сыну, Зияуддину Юсуфу, и поэтому дал книге второе название, упомянутое во вступлении к трактату: «ал-Фаваид аз-Зийаййа» — «Полезные сведения, [посвященные] Зие».

Исторические источники говорят о том, что это произведение Джами быстро завоевало признание и популярность у тех, кто стремился изучить основной язык науки и поэзии средневекового Ближнего Востока. Зайнаддин Васифи в своих мемуарах «Бадаи ал-вакаи» («Удивительные события») упоминает о том, что уже в 1511 г. «ал-Фаваид» входил в курс обязательной подготовки учащихся медресе. Сочинение было упомянуто и описано в антологии (*тазкира*) «Тухфа-и Сами», составленной в 1550 г. Саммирзой, сыном сефевидского шаха Исмаила I. Интересно, что название трактата, приведенное в антологии, отличается от того, которое дано в «киргизской» рукописи: «ал-Фаваид аз-Зийаййа фи шарх ал-Кафийа» — «Полезные замечания, [посвященные] Зие, о толковании ал-Кафии». Позднее этот труд был известен в Средней Азии и Поволжье под краткими названиями «Шарх-и хазрат мулла Абд ар-Рахман ал-Джами», «Шарх-и мулла Джами» или даже просто «Шарх-и мулла».

Такое разнообразие названий, приписываемых одному сочинению, говорит о популярности и, следовательно, о большом числе списков трактата, существовавших в различных странах мусульманского Востока, и каждым из переписанных заново экземпляров наверняка пользовался не один десяток учащихся. Достаточно обратить внимание на широкие поля «кыргызской» рукописи, испещренные многочисленными пометками и дополнениями читателей. Некоторые из пометок написаны поздними «среднеазиатскими» почерками, типичными для XIX в.

Начав рано писать, Джами еще в молодости приобрел широкую известность. Будучи разносторонним поэтом и философом, знатоком преданий и тонким аналитиком современных ему социальных явлений, Джами ценил и понимал жизнь простого народа, выходцем из которого являлся сам. «Мы по самой природе своей люди степные, деревенские», — говорил он неоднократно. Даже посвящая свои произведения представителям власти, наставляя и поучая их, Джами оставался деятельным гуманистом, сторонником справедливости; ни благосклонность гератского двора, ни многолетняя дружба с Навои, занимавшим пост вазира, не могли повлиять на независимость его суждений. Наиболее полно социальное мировоззрение поэта было отражено в «Книге мудрости Искандара», своеобразной и оригинальной легенде о счастливом царстве на земле. Джами выступил здесь как выразитель утопических идей о лучшем будущем. Поэтому не просто красивые слова, а именно глубокую убежден-

ность гуманиста видим мы в его вольнолюбивых призывах, звучавших в век жесточайшего восточного деспотизма и бесправия:

Не верой, не обрядами страна —
Законом справедливости сильна

(из поэмы «Саламан и Абсаль», одной из частей знаменитой «Семерицы», посвященной Йакубу Ибн Узун-Хасану, правителю из династии Ак-Коюнлу) (По следам памятников, 1982, с. 142–143). В сравнении с вычурным, напыщенным слогом придворной поэзии XV в. сочинения Джами отличаются ясностью и простотой языка.

Сорок лет активной творческой жизни поэта и ученого подарили миру богатое литературное наследие из не менее 40 произведений различных жанров: эпических поэм и философских сочинений, жизнеописаний видных деятелей суфизма и шедевров лирической поэзии. Сочинения Джами благодаря своей огромной популярности разошлись в многочисленных списках еще при его жизни. Значительное число рукописей, дошедших до нас, датируются XV — началом XVI в. В XIX в., с развитием книгопечатания в Средней Азии, Иране и Индии, появляются литографии и печатные издания. Сохранились и автографы поэта, ныне хранящиеся в рукописных собраниях Ташкента, Москвы и Санкт-Петербурга. Как отмечал Е.Э. Бертельс, Джами обладал характерным почерком, который не может быть назван красивым с точки зрения каллиграфического искусства (о чем, кстати, упоминал и сам Джами) (Бертельс, 1965, с. 238).

Копийная рукопись дошла до нас в полном списке и хорошей сохранности, имеет прекрасное художественное оформление. Титульная страница (л. 2б) украшена узором, в котором преобладают золотая и темно-голубая краски. Теми же красками выполнены тонкие изящные рамки на каждой странице рукописи. Текст написан красивым четким *наском* с многочисленными «рубриками» — названиями грамматических разделов, отдельными словами и фразами, исполненными красной кинноварью великолепным декоративным почерком *сульс*. Книжки, изготовленные с таким мастерством, ценились очень высоко, и их могли приобретать только состоятельные люди. Довольно часто такие рукописи делались по заказу правителей и богатых меценатов.

Основное достоинство обнаруженного списка заключается в том, что он является одной из ранних копий трактата «Фаваид вафийа би-халли мушкилат ал-Кафийа» и название ведет к оригиналу рукописи. Дело в том, что в колофоне (л. 150б) были указаны место и дата переписки — «в преславном городе Балхе» в 499 г. х., что скорее всего является ошибкой, ибо первые исследователи этой рукописи — сотрудники палеоархеографической экспедиции В.Н. Настич и В.К. Шуховцов, сочли необычную дату — 499 г. — опиской переводчика.

Исходя из традиционного расположения цифр года — слева направо, ученые сочли первую (левую) цифру графическим искажением единственно возможной для данного списка цифры «восемь».

Иными словами, копия создана в 899 г.х., т.е. в 1493–94 г., что вполне укладывалось в хронологические реалии: Джами умер в 1492 г., копия создана в следующем, 1493 г. и действительно явилась наиболее ранним списком знаменитой грамматики, что и нашло отражение в первичной отчетной публикации (По следам памятников, 1982, с. 145).

Продолжая размышлять над рукописью, В.Н. Настич пришел к выводу, что дату нужно расшифровать иначе. Через пять лет после обнаружения рукописи (1979) и через два года после первой информационной публикации о ней (1982) В.Н. Настич

в письме к руководителю экспедиции в Киргизскую академию наук в 1984 г. (Письмо) сообщает, что ныне считает приемлемым чтение даты справа налево — 994 г.х. (что соответствует 1586 г.). Допущение такого нестандартного, но в принципе возможного порядка цифр устраняет более серьезные сомнения палеографического характера. Что же касается «омоложения» рукописи почти на столетие, то оно несколько не снижает ее научной и культурной ценности как памятника письменности позднего Средневековья.

Примечательно, что колофон сохранил имя переписчика — Даулат-Мухаммад Ибн Тенгри-берди кушчи. Тюрк по происхождению, о чем свидетельствует тюркское языческое имя его отца, он, вероятно, относился к тому кругу художественно-ремесленной интеллигенции, которую ярко описал в своих мемуарах «Удивительные события» выходец из той же среды, младший современник Абдуррахмана Джамии и Алишера Навои Зайнабдин Васифи. Слово «кушчи» (так называемая нисба), по-видимому, указывает на его происхождение из тюркского племени кушчи. По мере формирования с XVI в. самостоятельных народностей — узбекской, казахской, кыргызской — отдельные роды этого древнего племени, сохранив свое самоназвание, вошли в состав этих народностей, добавив собственные этнические компоненты.

Даулат-Мухаммад кушчи, бесспорно, был не только прекрасным каллиграфом, но и хорошим знатоком арабского языка, иначе как смог бы он столь точно переписать сложный и объемный арабский текст? А приписка под колофоном той же рукой, что и остальной текст, но почерком *насталик*, говорит о том, что переписчик хорошо знал фарси:

*Хатт дар варак дахр бемонад,
Бичораи нависанда ки дар хок равад.*

(Написанное на листе останется вечно,
А бедный писец обратится в прах).

Наверное, подобные приписки делали многие мастера, из рук которых выходили удивительные плоды долгих месяцев кропотливой, филигранной работы. Грамматике арабского языка А. Джамии, используемой в качестве учебника, повезло еще и потому, что кыргызские читатели Ферганы, в руках которых она побывала, аккуратно подклеивали ее поврежденные страницы, переписывали испорченные временем и многократным использованием места в тексте. На последней странице внизу колофона сохранилась интересная запись на фарси: «Дата покупки этой книги — 1134» (т.е. 1721/22 г.). Под этой пометкой видны следы стертой надписи, возможно, аналогичной приписки прежнего владельца книги. Значит, сам факт покупки такого манускрипта стоил того, чтобы специально отметить это.

Переплет рукописи, сделанный уже в XIX в., бесспорно, далеко не первый за ее долгую жизнь. Мастер, изготовивший его, работал со своим личным клеймом: в одной из фигурных орнаментальных виньеток, оттиснутых на крышках из плотного цветного картона, указано: «Работа муллы Надир-Мухаммада саххафа (переплетчика. — С.П.)», и приведена дата — 1257 (1841/42). Особенности оформления переплета и техника работы типичны для кокандских мастеров XIX в., чьи произведения украшают еще несколько рукописных и печатных книг на тюрки, фарси и арабском языках из собранных экспедицией в 1976–1989 гг.

Из других собранных экспедицией рукописей можно выделить «Диван» Хафиза Ширази на персидском языке, хорошей сохранности. Несомненную ценность пред-

ставляет также сборник образцов казийских документов и комментариев исламского права кокандского времени (вторая половина XVIII — первая половина XIX в.), выполненных на фарси и тюрки и оформленных в деревянной обложке с кожаным переплетом. Документы являются важным историко-юридическим и этнографическим источником и повествуют о правовых нормах, родо-племенном составе, быте, обычаях, верованиях и религии кочевых кыргызов и оседло-земледельческих узбеков и таджиков Ферганской долины.

Собранные Кыргызской палеоархеографической экспедицией при участии ленинградских ученых рукописи и книги свидетельствуют о давней письменной традиции народов Средней Азии, о роли знания в кыргызском обществе и бережном отношении к книге.

История Кыргызстана II тысячелетия н.э. написана в основном по письменным источникам, созданным за его пределами по сведениям отнюдь не всегда объективных авторов. Другое дело — местные письменные памятники, оставленные в виде эпитафий, посетительских надписей, рукописей и книг местного населения на различных языках и в обширном хронологическом диапазоне. Палеоархеографическая экспедиция Кыргызской академии наук собрала важный источниковедческий материал по программе республиканского свода памятников истории и культуры как составной части Всесоюзного Свода культурного достояния народов бывшего СССР. В свое время главный редактор Кыргызского Свода памятников, вице-президент, член-корреспондент республиканской Академии наук С.Т. Табышалиев высоко оценил поиски и исследование письменных источников киргизскими, ленинградскими и московскими учеными (Табышалиев, 1983). Но Свод памятников так и не был издан, а собранные книги, рукописи и письменные документы отложились (без достаточной обработки) в рукописных фондах нынешнего Института кыргызского языка и литературы им. Чингиза Айтматова и все еще ждут своего профессионального исследования.

Список литературы

- Бертельс Е.Э.* Избранные труды. Навои и Джами. М., 1965.
ЗВОРАО. Т. XII, 1899. СПб., 1900.
Извлечения из «Маджму ат-Таварих» Пер., введ. и коммент. В.А. Ромодина. Л., 1963. Инв. № 5154.
Лившиц В.А. Тюрко-согдийская эпиграфика Терек-Сая и Кулан-Сая // Диалог цивилизаций. Взаимодействие культур народов и государств в зоне Великого Шелкового пути. Бишкек, 2005. № 1(6).
Письмо В.Н. Настича к В.М. Плоских. Алма-Ата–Фрунзе, 7 февраля 1984 г. (Из архива археологического музея КРСУ).
Плоских С.В. Две страницы репрессированной культуры Кыргызстана. Историко-социолингвистическое наследие Е. Поливанова и К. Тыныстановы. Бишкек, 2007.
По следам памятников истории и культуры Киргизстана. Фрунзе, 1982.
Рукописные фонды Института языка и литературы НАН Кыргызской Республики, инв. № 167-а.
«Собрание историй» Маджму ат-Таварих. ЛГУ, 1960 // Извлечения из «Маджму ат-Таварих». Пер. В.А. Ромодина. Л., 1963. Рук. фонды, инв. № 5154.
Табышалиев С. По следам древних культур (рец. на кн. «По следам памятников истории и культуры Кыргызстана») // Советская Киргизия. 21.09.1983.

Summary

S.V. Ploskikh

Written Monuments of Kyrgyzstan in the Manuscripts Fund of the National Academy of Sciences

Written and folk sources, collected in the period of the 1920s–1970s among the Kyrgyz people are reviewed. Manuscripts and black-letter editions in Kyrgyz, Arabic, Farsi and Turkic languages, ranging from the *Manas* epic to private documents were annotated by the participants of the Russian-Kyrgyz Paleographical Expedition of 1973–1978. The article is devoted to the content of the above-mentioned documents, as they are important historical sources on history and culture of the Kyrgyz people of the 15th–19th centuries.

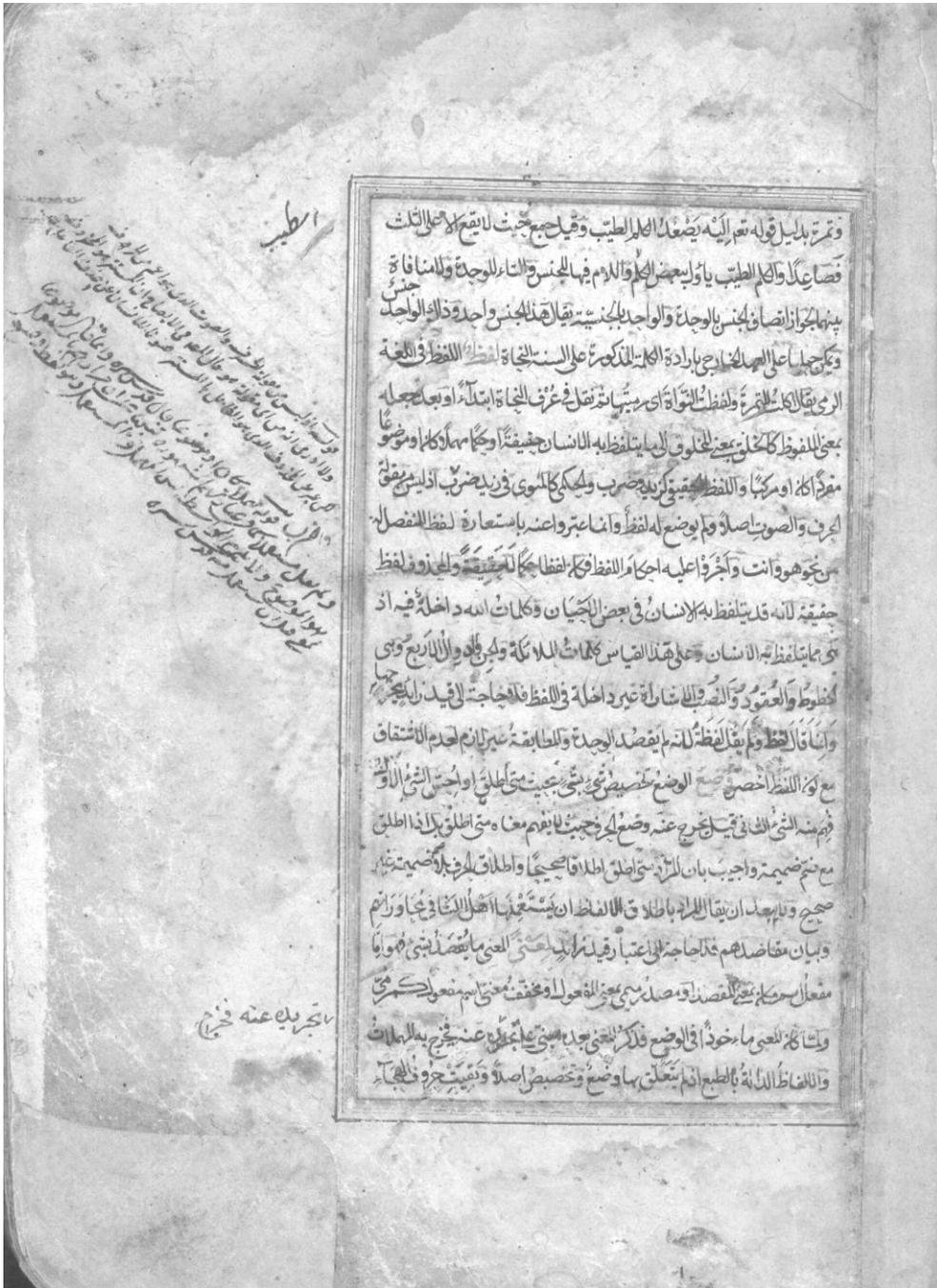

Рис. 2. Внутренняя страница рукописного сборника с комментариями

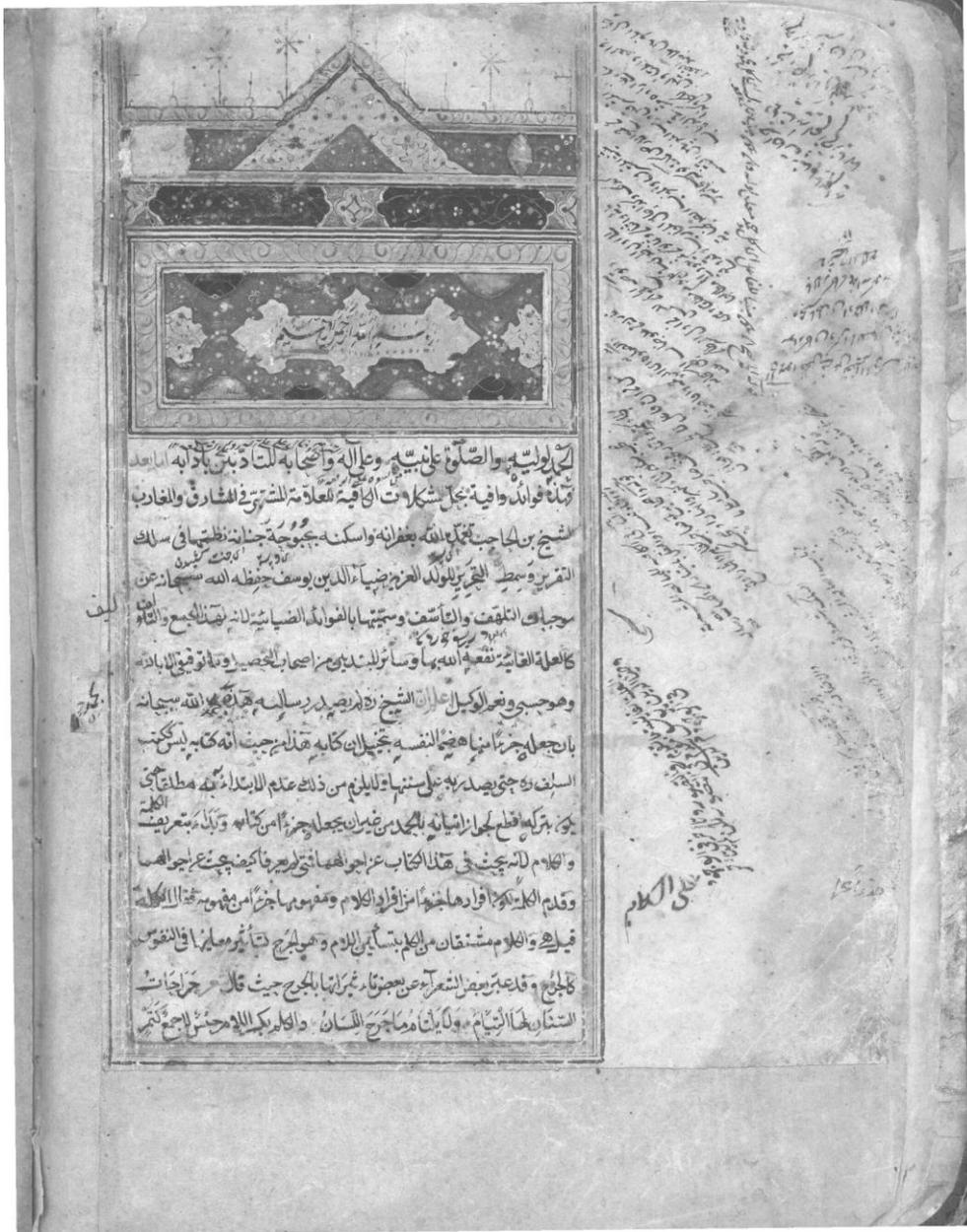

Рис. 3